IRENA MERANO

СТО ПЕРВЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

МИСТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

18+ 8+

Irena Irena Merano

Сто первый незнакомец

«Автор»
2026

Irena Merano I.

Сто первый незнакомец / I. Irena Merano — «Автор», 2026

Пустой стул унесли до полуночи. Но тень сидящего на нём человека осталась.В ту ночь магия должна была исполнить желание ста незнакомцев. Она насчитала девяносто девять.А домов появилось сто один.В последнем Элиару ждал мужчина, который помнил их встречу.Проблема лишь в том, что для неё эта встреча ещё не произошла.Он знает, чем закончится их любовь. И готов на всё, чтобы она не началась.Ведь однажды Элиара уже выбрала его. Тогда бесследно исчезли сто человек.Теперь магия начала считать заново.

© Irena Merano I., 2026
© Автор, 2026

Irena Merano
Сто первый незнакомец

Глава 1

Стул унесли со сцены за девять минут до полуночи.

Его тень осталась.

На мокрой мозаике площади по-прежнему виднелись четыре ножки и высокая прямая спинка. Двое служителей уже скрылись за заграждением, унося стул вверх сиденьем, а тень не двинулась с места. В ней сидел человек.

Элиара различила склонённую голову, локоть на колене и руку, свисающую так низко, будто незнакомец устал ждать. Потом тёмная рука поднялась и указала на неё.

— Госпожа архитектор? — позвал распорядитель.

Элиара моргнула. На камне остался обычный прямоугольник.

— Кто велел поставить здесь стул?

— Какой стул?

— Тот, что унесли ваши люди.

Распорядитель проследил за её взглядом. За ограждением один служитель стоял у фонтана, прижав ладонь к уху, другой водил пальцами по воздуху, словно всё ещё держал деревянную спинку. Между ними никого не было.

— На площади не предусмотрены сидячие места, — сказал распорядитель с готовностью человека, который заучил эту фразу ради собственной безопасности.

Элиара вынула из чехла складную линейку. До края счётной плиты было одиннадцать шагов. Она прошла их, отсчитывая привычно, с носка на пятку.

Десять.

Вернулась и измерила снова.

Девять.

На третий раз Элиара осталась на месте. В её кармане был план площади с точностью до пальца. Медные линии обряда врезали в камень десять лет назад; их положение проверяли каждое полнолуние. Пространство не имело права сокращаться в присутствии свидетелей.

Она развернула чертёж. Расстояние между фонтаном и плитой было отмечено одиннадцатью короткими штрихами. На глазах у неё крайний штрих побледнел, как будто его стирали с оборотной стороны листа.

Элиара захлопнула папку.

За восемь минут до полуночи некогда было решать, что страшнее: если магия уже началась или если никто, кроме неё, этого не замечает.

Она наступила на тень стула.

Снизу, из-под камня, раздался негромкий стук.

Один раз. Вежливо. Как стучат, прежде чем войти.

✦ ✦ ✦

Вечером Лиорен пах горячим миндалём, речной солью и известью. Торговцы задержались у ограждений, зрители теснились на балконах, на крышах мальчишки заключали пари, появятся ли новые дома или архитектора уведут за растрату городских денег.

Никто из собравшихся не верил в чудеса одинаково.

Для Совета это была публичная демонстрация власти. Для газетчиков — повод заранее написать две статьи, победную и обвинительную. Для Элиары — проект, который можно было проверить числами, пока числа не начали исчезать из её чертежа.

Для восьмидесяти семи семей с Нижней набережной эта ночь была последним сроком.

На ограде висели медные таблички со старых дверей: тридцать два, сорок семь, девяносто четыре. Завтра с рассветом дома на набережной должны были опечатать. Совет обещал новое жильё три года, потом объявил старый район небезопасным и прислал приказ об освобождении помещений. Элиара видела документ. Внизу оставили место для подтверждения того, что выселяемые «добровольно отказались» от своих комнат.

Её собственный проект был попыткой построить квартал там, где свободной земли не существовало. Входы — для всех нуждающихся. Право жить — у людей, а не у городских чиновников. На проекте её рукой было написано: «Без права чужого владения».

Эти четыре слова председатель просил вычеркнуть трижды.

У фонтана стоял мальчик с табличкой сорок семь. На обороте он вывел неровными буквами: «Папа, мы здесь». Элиара знала его имя — Милен — и знала, что отец мальчика не вернётся из моря. Вчера она обещала ребёнку окно над водой. Теперь старалась не смотреть ему в глаза.

Старинная магия Лиорена была проста ровно до того момента, когда требовалось объяснить её цену. Чтобы создать место там, где его нет, следовало собрать сто людей, ни разу не встречавших друг друга. Не родня, не ученики одного мастера, не пассажиры одного рейса. Каждый — совершенно чужой девяноста девяти остальным.

Неизрасходованное расстояние между их жизнями город обращал в строительный материал. Десять мостов уже стояли на таких невозможных опорах. Однажды с помощью обряда расширили больничную палату, где некуда было поставить ещё одну кровать. Иногда Лиорен делал людям подарки, каких не могла позволить себе никакая казна.

Но никто до Элиары не пытался построить целую улицу.

Три комиссии проверили участников: родословные, торговые книги, школы, морские маршруты, гостиные списки богатых домов и жалкие полузабытые реестры ночлежек. На каждом запястье закрепили медную пластинку. Имена запрещалось называть до завершения церемонии. Для магии любая встреча имела значение, даже если люди не запомнили друг друга.

Их было сто.

Элиара проверила число утром и снова перед закатом. Она не могла позволить себе ошибку.

— Вы ошиблись не в числе, — сказал Нерио Кадель.

Городской смотритель подошёл со стороны ратуши без сопровождения. Он не носил нарядной цепи Совета, хотя имел право. От него пахло сырой шерстью и горьким лекарственным корнем.

— Прочитали мой проект? — спросила Элиара.

— Четыре раза.

— Значит, заметили, что мне нужна улица, а не возражение.

— Я заметил, что в вашем назначении нет места человеку, который не захочет получить дом.

Элиара посмотрела на семьи у ограды.

— Есть люди, которых завтра выбросят на улицу. Они хотят крышу над головой. Я спросила каждого.

— Вы спросили, хотят ли они жильё. Это другое.

Она повернулась к нему. В последние дни Нерио всё чаще говорил так, словно они обсуждали не проект, а чей-то приговор.

— Совет поручил вам меня остановить?

— Мне поручили убедиться, что сто человек останутся ста людьми.

— А если не останутся?

Нерио взглянул на место, где стоял стул. Его лицо побледнело. На запястье, видневшемся из-под перчатки, были четыре красных штриха, похожие на след от слишком тугого металлического ободка.

— Вы тоже его видели, — тихо сказала Элиара.

— Что именно?

— Стул.

— Я видел, что вы приказали убрать его.

— Вы откуда знаете? Распорядитель клянётся, что стула не было.

Нерио опустил взгляд на её папку. Из-под клапана торчал угол плана площади, и там, где должна была находиться отметка фонтана, бумага потемнела.

— Счёт может показать меньше ста, — сказал он. — Если так случится, не ищите недостающего в круге.

— Почему?

— Потому что недостающий может ещё не знать, что ему предстоит стать знакомым.

— Вы объясняетесь как человек, который хочет скрыть больше, чем сообщить.

— Я говорю как человек, который однажды попытался всё исправить, — ответил он. — И до сих пор не знает, кому сделал хуже.

Он протянул руку к её запястью. Не коснулся. Элиара заметила на его пальцах мельчайшие белые частицы, похожие на известь: он только что был в архиве или у каменщиков. На мгновение ей захотелось удержать его руку и заставить назвать хотя бы одну вещь прямо. Она не сделала этого.

— Не называйте чужих имён, — попросил Нерио.

— Я знаю правило.

— Я говорю не об участниках.

Над площадью колокол отбил двенадцать ударов. Нерио посмотрел на башню слишком резко.

— До полуночи ещё шесть минут, — сказала Элиара.

— Я знаю.

Часовая стрелка оставалась на месте. Город услышал полночь прежде, чем она наступила.

✦ ✦ ✦

Сотню незнакомцев вывели на площадь под серыми накидками. Каждый занял медную точку в мозаике. Сто неподвижных фигур образовали идеальный круг, а посередине лежала чёрная счётная плита — камень, который не отражал даже огня.

Элиара провела ладонью по кожаному ремешку с инструментами. Отец когда-то учил её оставлять на чертежах неоконченный квадрат — маленький просвет в линии для решения, которое примут будущие жильцы. «Дом без права отказаться от двери, — говорил он, — рано или поздно становится клеткой».

На её нынешнем плане такого просвета не было. Она убедила себя, что добровольное согласие всех семей уже принято. Теперь вспомнила слова отца с раздражением, от которого сделалось стыдно.

Председатель Совета взошёл на возвышение, словно речь шла о победе, одержанной им заранее. В руках глашатая был бронзовый колокол с отполированной внутренней поверхностью. Когда тот поднял его, Элиара невольно увидела в чаше отражение участников.

Там их оказалось сто один.

Она резко подняла голову. На площади по-прежнему стояло сто человек. В отражении самый дальний участник повернулся к ней и медленно приложил палец к губам.

Глашатай ударил в колокол. Бронза загудела. В отражении лишняя фигура исчезла.

— Назовите предназначение, — велел председатель.

У Элиары было мгновение, чтобы отказаться. Тогда завтра восемьдесят семь семей останутся без домов, но никто не получит улицу, которая способна считать будущее. Она слышала, как Милен просит мать поднять его на руки, чтобы увидеть площадь. Слышала дыхание ста людей, согласившихся стать материалом для её проекта.

— Жилой квартал для лишённых дома, — сказала она. — Без платы за вход. Без права чужого владения.

Она произнесла всё так, как записала в договоре. Ни одного слова не отдала Совету.

На плите загорелась первая точка.

Потом вторая.

Каждый огонёк был невысоким и плотным, будто свет из медной пластины поднимался откуда-то изнутри камня. Элиара считала, не доверяя глашатаю. Сорок три. Семьдесят. Девяносто шесть.

На девяносто восьмой точке женщина с синей нитью на запястье подняла голову. Через три места от неё стоял мужчина с пятнами краски на пальцах. Их взгляды встретились на секунду.

Элиара видела, как у женщины побелели губы.

— Я знаю, что вы скажете мне завтра, — выговорила она.

Мужчина отшатнулся.

— Я вас не знаю.

— Вы спросите, где купить хлеб. У порога дома двадцать девять. Я отвечу: «Пекарня закрыта с прошлой зимы».

— Но я действительно собирался спросить… — Он замолчал и поспешно спрятал ладони под накидку.

На плите вспыхнул девяносто девятый огонь.

Сотого не последовало.

Появилось число:

99.

Председатель открыл рот, готовый объявить обман, но в ту же секунду все участники одновременно посмотрели на пустое место у фонтана.

Там, где от стула осталась тень.

В тени сидел человек. Элиара могла видеть его лишь краем зрения: стоило перевести взгляд прямо, как вместо фигуры оставалось обычное тёмное пятно.

Она резко повернулась к Нерио.

— Они не знакомы. Я проверила каждого. Это не ошибка комиссии.

Нерио не смотрел на людей. Он следил за белым волоском трещины, протянувшимся по чёрному камню.

— Магия уже знает об их завтрашней встрече, — произнёс он. — А люди ещё нет.

— Будущая встреча не может нарушить правило настоящего.

— Вы строите улицу, чтобы люди встретились. Для неё это уже произошло.

В ответ Элиара хотела спросить, почему магия пользуется будущим, которого никто ещё не выбрал. И вдруг услышала собственный голос из пустоты возле фонтана:

— Не входите туда.

Она не говорила этих слов.

Все вокруг повернули головы к ней, ожидая продолжения. Теперь голос повторился из чёрной плиты — ровно так, как сама Элиара обычно говорила, когда боялась, но не хотела этого показывать:

— Если войдёте, вас посчитают.

Председатель схватил её за локоть.

— Прекратите представление!

— Отпустите меня.

Он не отпустил.

С краю площади мальчик Милен закричал:

— Мама, смотри! Наш дом уже там!

Восточный край мозаики исчез из виду. Между стеной и фонтаном стояла улица, которой мгновение назад не существовало.

Дома не вырастали, как при обычной магической стройке. Они уже были старыми. На стенах держалась многолетняя копоть, в трещинах мостовой проросла трава. Из верхнего окна лился свет; кто-то невидимый отодвинул занавеску. Над одним кварталом шёл дождь, хотя над площадью у фонтана не падало ни капли.

Вместе с домами появился чужой домашний запах: горячий хлеб, мокрая верёвка, сажа, варенье из горькой рябины. Похожий запах Элиара помнила из кухни своего детства, но рябину у них дома никто не варил.

Ей стало страшно от этого лишнего воспоминания. Оно было не её. И всё-таки на мгновение захотелось вспомнить, кто ставил на подоконник банку с рябиновым вареньем.

Рука председателя соскользнула с её локтя. Она увидела, что на его манжете проступила старая пыль, словно он успел провести несколько лет на этой улице.

Элиара открыла папку, чтобы сравнить фасады с чертежом.

Из листа исчезли все размеры.

Там, где она нарисовала восемьдесят семь домов и двенадцать арок, теперь была тонкая линия дороги, а рядом — место для подписи, которое она не оставляла.

Под ним медленно проступили слова: «СТОРОНА, ДАВШАЯ СОГЛАСИЕ».

Буквы исчезли прежде, чем она успела показать их кому-нибудь.

✦ ✦ ✦

Жители Нижней набережной бросились к новой улице раньше стражи. Старые женщины касались кладки, как будто узнавали чьи-то лица. Мальчики пересчитывали двери и тут же сбивались: после дома шестьдесят третьего они видели шестьдесят пятый, а когда возвращались, между ними обнаруживался шестьдесят четвёртый, с открытым окном и уже высохшим бельём.

Милен рванулся вперёд, но мать удержала его за воротник.

— Подожди, — попросила она. — Элиара ещё не сказала, что можно.

От этих слов Элиаре стало тяжело дышать. Женщина доверяла ей больше, чем всей страже, хотя сама архитектор ещё не знала, что создала.

— Никого внутрь, — приказал Нерио.

Председатель уже вскарабкался на бортик фонтана.

— До выяснения происхождения строения переходят во временное распоряжение Совета! — объявил он. — Жильцы будут допущены после регистрации.

Над последним словом в воздухе раздался тонкий металлический звон. Одно из окон новой улицы захлопнулось. Затем ещё одно.

Элиара увидела это. Она была уверена, что и Нерио увидел. Председатель — нет; он уже улыбался толпе так, как улыбаются собственному решению.

— Вы не дали им домов, — сказала Элиара. — Вы пытаетесь забрать у них даже то, что ещё не достроено.

— Вы нарушили протокол, архитектор. Теперь ваша работа — вещественное доказательство.

— Протокол не даёт права владеть людьми.

— Я говорю о домах.

— А город, кажется, не различает одно и другое.

Председатель приказал отозвать её разрешение. Передать инструменты и планы городской комиссии. Ещё утром он скрепил договор, по которому Элиара отвечала за квартал до заселения всех семей. Теперь тот же человек сделал её одновременно обязанной довести строительство до конца и лишённой права его завершать.

Нерио осторожно взял её за локоть.

— Если пойдёте туда, вы можете не узнать обратной дороги.

— Дорога существует. Значит, я смогу её измерить.

— Не в этом дело. — Он посмотрел на счётную плиту. — Вы сами слышали собственный голос до того, как заговорили.

— Именно поэтому туда должен пойти кто-то, кто умеет отличать несущую стену от обещания.

Элиара обернулась к Милену. Мальчик сжимал табличку сорок семь, прижимая пальцем нарисованную букву «П».

— Я вернусь, — сказала она.

Он хотел что-то спросить, но вместо этого только кивнул. От этого молчания её обещание стало тяжелее.

Она проскользнула мимо часового и вошла в улицу.

✦ ✦ ✦

За первой аркой звук её шагов опоздал.

Она поставила ногу на камень, а удар каблука раздался после того, как ступня уже оторвалась от мостовой. На втором шаге кто-то невидимый выдохнул ей в затылок. На третьем арка позади стала меньше, словно строители успели переделать её за несколько мгновений.

Элиара заставила себя не бежать.

Она узнала швы кладки, но камни были не те, которые она рассчитывала. Рядом с первым домом росла старая груша, корнями раздвинувшая плиту. Плоды лежали под ногами, некоторые давно сгнили. Улица существовала всего несколько минут, а в её тени успела пройти целая осень.

На углу висела табличка с именем улицы. Буквы расплывались. Элиара подошла ближе: табличка ещё не решила, как называться.

Номера на дверях шли ровно — два, три, четыре. Первой двери не было. Она повернулась к арке; там, где за минуту до этого стоял городской часовой, сейчас виднелась гладкая стена с тёмным следом от давно снятой вывески.

— С какой стороны улицы вы вошли? — спросил голос из открытого окна.

Элиара подняла голову. На втором этаже стояла чашка чая. За стеклом никого.

— Со стороны площади, — ответила она прежде, чем успела подумать.

Чашка треснула. Её ручка упала на подоконник, а из глубины пустой комнаты донёсся голос женщины:

— Ты опять выбрал чужую сторону.

Элиара отступила. У стены висел календарь. На нём стояла завтрашняя дата.

Она вспомнила последнее предупреждение Нерио и поняла, что ошиблась: улице, возможно, было достаточно обычного ответа, чтобы одна из будущих встреч стала действительной.

В доме двадцать девять кто-то спросил:

— Простите, где здесь купить хлеб?

Ответ последовал из другой комнаты, голосом женщины с синей ниткой на запястье:

— Пекарня закрыта с прошлой зимы.

Элиара подбежала к окну. За ним находилась пустая комната. На полу лежал кусочек свежей корки, ещё тёплый на ощупь. Она не стала его брать.

Оба собеседника оставались на площади. Элиара только что оставила их там, в серых накидках. Следовательно, улица не показывала то, что должно случиться. Она уже проживала встречи без согласия людей, которые в них участвовали.

Из дома сорок раздался детский смех. Из шестидесятого — негромкое «ты вернулась», сказанное с такой нежностью, что Элиаре стало стыдно слушать. Потом голос из дома восемьдесят начал умолять кого-то остаться. Умоляла женщина, и ни одно слово не повторялось: похоже, она разговаривала уже очень долго.

Элиара прикоснулась к двери. На косяке выступила влажная царапина, похожая на след ногтя. Изнутри произнесли её имя.

Она отдёрнула руку.

Голос принадлежал ей самой — только более старой. Не хриплой, не детской, а усталой так, будто ей довелось пережить годы, о которых нынешняя Элиара ещё не знала.

— Не верь последнему человеку, который обещает тебя спасти, — сказал голос.

Затем кто-то тихо, почти бережно добавил:

— И не позволяй мне выбрать за тебя.

Она не знала, была ли это одна женщина или две. На стене дома выступил мокрый след ладони. Пальцы оказались короче её собственных.

«Значит, город может придумать даже моё воспоминание о самой себе», — подумала она.

Деревянная ставня хлопнула. Голоса исчезли, словно за дверью договорились замолчать.

Элиара открыла папку. На первом листе отец когда-то нарисовал простой знак: квадрат с незамкнутой нижней стороной. Он говорил, что у любого настоящего дома должно оставаться место для отказа — дверь, которую человек имеет право не открывать.

На её проекте такого знака не было.

Элиара впервые поняла, что не оставила будущим жильцам возможности отказаться от навязанной улицей встречи. Она спасала их от выселения и могла превратить их в пленников другого обещания.

От этой мысли захотелось вернуться. Но она знала: снаружи председатель уже собирается объявить чудо собственностью Совета. Если она не разберётся в устройстве улицы, сто дверей станут ещё одной формой власти над теми, кому она собиралась помочь.

Она продолжила путь.

У поворота стоял небольшой столик. Рядом — пустой деревянный стул с квадратным сиденьем и прямой спинкой. На столе лежала закрытая книга, возле неё горел фонарь. Свет падал на камень мягким кругом. Тень стула вытягивалась прочь от него, вопреки направлению света.

Элиара уже видела этот стул на площади.

В книге не было названия. На медной пластинке переплёта значилось: «Для того, кто придёт последним».

Она поднесла к крышке ладонь. Из-под переплёта донёсся осторожный стук пальцев — трижды, с большими промежутками. Слишком размеренно для часов, слишком тихо для того, кто хотел напугать.

Когда Элиара убрала руку, стук повторился из-под сиденья стула.

Она присела, чтобы заглянуть вниз.

Под стулом была тень. Но она принадлежала человеку, стоящему по другую сторону мебели. Элиара могла различить его обувь и край длинного пальто. Выше тень обрывалась, как отрезанная ножом.

— Кто здесь? — спросила она.

Никто не ответил.

Фонарь мигнул. На один удар сердца книга стала прозрачной. Под закрытой обложкой Элиара увидела не страницы, а множество тонких дверей, поставленных одна за другой. На первой была медная цифра 29. На следующей — 47. Последняя оставалась повёрнутой к стене.

Элиара отступила, не раскрывая книгу.

Где-то далеко, на площади, колокол ударил один раз. Двери, скрытые в переплёте, исчезли. Стул снова отбрасывал обыкновенную тень.

За углом показался дом девяносто шесть, за ним — девяносто девять, затем сто. Расстояния между фасадами были неправильными; стоило смотреть на один, как другой терял целый этаж. Улица прятала последний дом, словно не была уверена, стоит ли показывать его человеку, который ещё не решил, идти ли дальше.

Наконец появилась узкая дверь с медной табличкой 101.

На ступенях лежала старая пыль. На ручке виднелась царапина от кольца. Эти следы невозможно было оставить за несколько минут.

Элиара подняла руку, чтобы постучать.

— Пожалуйста, не открывайте, — сказал мужчина по другую сторону.

✦ ✦ ✦

Его голос был низким и чуть охрипшим, будто он только что долго бежал. В нём не было привычной властности советников. Было другое: страх человека, который пытается удержать дверь собственным телом.

— Откуда вам известно, что я здесь? — спросила Элиара.

— По шагам. У каждого архитектора они разные. Ваши всегда останавливаются, прежде чем вы коснётесь чужой стены.

— Мы знакомы?

Тишина.

— Ответ на этот вопрос может стоить нам обоим слишком дорого.

Элиара посмотрела на дверное стекло. С той стороны легла мужская ладонь. У основания большого пальца была свежая царапина.

— Я пришла не задавать вопросы о судьбе, — сказала она. — Я построила эту улицу. Мне нужно понять, что с людьми, ради которых она появилась.

— Вы построили проход, — сказал он. — Домами здесь воспользовались другие.

— Кто?

— Если бы я знал их всех, вы бы уже не смогли стоять у двери.

Он произнёс это без желания показаться загадочным. Скорее с усталостью человека, которому приходится снова объяснять последствия чужой ошибки. Элиару задела эта усталость — и вместе с тем она разозлилась на неё.

— У меня на площади сто участников. Магия насчитала девяносто девять. В домах звучат чужие будущие разговоры. А вы просите не открывать дверь и не называть имён. Почему я должна вам верить?

— Не должны, — ответил он. — Но можете проверить то, что я скажу.

— Что именно?

— Сколько дверей вы видели от первой арки до этого дома?

Элиара мысленно вернулась на улицу. Первого дома не было. Она помнила два, три, четыре, потом множество окон, потом номера у последнего поворота.

— Сто, — ответила она.

— А сколько у вас было на чертеже?

— Восемьдесят семь.

— Значит, кто-то использовал ваши расчёты, чтобы построить ещё не дома, а решения. Пока они не приняты, улица будет просить вас завершить её.

— Кто использовал?

Он не ответил. За дверью послышалось движение, словно мужчина тяжело опустился на стул, которого Элиара не могла видеть. Угол стекла на миг запотел.

— Вам плохо? — спросила она прежде, чем смогла остановить себя.

— Я останусь на ногах.

— Вы только что сели.

Он тихо рассмеялся, без радости.

— Вы всё-таки замечаете больше, чем было предусмотрено.

Элиара поймала себя на том, что улыбается в ответ. Смех был живым и почти домашним. За несколько минут улица показала ей больше невозможного, чем она видела за всю жизнь. И всё же именно обычный человеческий звук заставил её впервые по-настоящему захотеть узнать того, кто стоял за дверью.

Она подняла руку и почти коснулась стекла напротив его ладони.

— Не делайте этого, — попросил мужчина.

— Почему? Вы боитесь прикосновения?

— Я боюсь, что вы вспомните меня прежде, чем решите, хотите ли знать.

Элиара опустила руку. В его голосе было такое горькое усилие, что ей захотелось нарушить запрет назло и ему, и городу, и всем предупреждениям. Но тогда это снова был бы выбор за другого человека. За того, кто просил её остановиться.

— Хорошо, — сказала она. — Не буду.

Он выдохнул с облегчением. От двери потянуло прохладным воздухом и запахом дождя. Здесь, в конце улицы, дождь уже кончился.

— Вы живой? — спросила Элиара.

— Настолько, насколько мне разрешили.

— Кто разрешил?

— Не я.

Она стиснула зубы.

— Вы умеете отвечать прямо хоть на один вопрос?

— На тот, который вы ещё не задали.

За стеклом что-то тихо ударилось о пол. Затем из-под двери выползла медная пластинка и остановилась возле её ботинка.

Элиара подняла её. На краю проходила знакомая трещина, которую она сама зарисовала утром при проверке участников. На поверхности стояло число 100.

— Откуда у вас это? — спросила она.

— Она моя.

— Я видела человека с сотым номером на площади.

— Да.

— Он всё ещё там.

— Именно это меня пугает.

В конце улицы что-то сдвинулось. Дверь соседнего дома стала выше, чем прежде. На стене появилась влажная линия, будто по ней провели ладонью человека, который стоял по другую сторону камня.

— Если вы настоящий сотый, — произнесла Элиара, — кто стоит за моей спиной?

— Я не знаю, — ответил незнакомец. — И пока это единственное, что удерживает его на площади.

В этот момент Элиара поняла, что впервые за ночь он действительно признался ей в незнании. Не пытался её успокоить. Не называл себя спасителем. Он боялся ровно того же, чего и она: что кто-то сумел принять решение за них обоих.

С площади донёсся низкий скрип. Сотни стульев, которых там не было, словно одновременно отодвинули от стола. Затем раздался голос Нерио:

— Элиара! Не оборачивайтесь!

Она обернулась.

У начала улицы стояли все сто участников в серых накидках. Их головы были повёрнуты к ней. Все до единого, даже те, кто прежде смотрел на фонтан или на счётную плиту. Каждый оставался неподвижным.

Сотый поднял руку. Медной пластинки на запястье не было.

На чёрной счётной плите число девяносто девять изменилось.

Не на сто.

На девяносто восемь.

У ног сотого дрогнула тень, словно собиралась отделиться от человека и уйти собственной дорогой.

За спиной Элиары щёлкнул дверной замок.

— Теперь вы понимаете? — спросил мужчина. — Пока вы ищете одного лишнего, кто-то начинает забирать остальных.